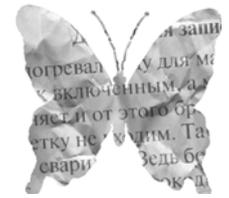

Друг мой, враг мой

Алиса Вель

Пашка смотрит, как младшеклассники идут по длинному коридору.

В широкие окна льется майское солнце, отражается от стеклоблоков гардероба, прыгает по застежкам портфелей. Ребяшня торопится вырваться из школьных стен на свежий воздух, они обходят Пашку, словно вода в ручье, равнодушно огибающая ногу прохожего.

Следовать общему потоку слишком предсказуемо, поэтому Пашка поднимается на четвертый этаж и проходит на территорию старших классов. Здесь идут уроки и тихо. Он подходит к лестнице, пытается что-то разглядеть между пролетами. Прислушивается. Потом спускается на первый этаж и выходит к запасному выходу.

Дверь заперта. Пашка садится на корточки и закрывает глаза. Ему нравится представлять, что он совсем один в целом свете. Просто все шли, шли и ушли по длинному коридору навсегда. Это совсем несложно представить.

Когда все уходят, то остается покой.

«Мама останется... — думает Пашка, — да, останется... и папа, и Ашур».

Он достает ключ, который стянул две недели назад у вахтера, и открывает дверь.

За дверным полотном, покрытым облупившейся зеленоватой краской, открывается внутренний дворик. С трех сторон он окружен стенами школы, словно находится внутри упавшей на землю буквы П. Пространство у входа заставлено ржавыми железными конструкциями. Говорят, что раньше они стояли на школьном поле и ученики тренировались их преодолевать, как на войне. Железяки внушают уважение.

Пашка отвлекается, возится с замком и не сразу понимает, что он не один. Его сбивают с ног. Он падает, поворачивается, упирается спиной в дверь.

Это Валерка Галин с друзьями. Долговязый, белобрысый, взъерошенный. За глаза ребята зовут его Галей. Краем глаза Пашка замечает Леху Чевардина, который стоит в стороне с понурым видом.

Галя сначала ничего не говорит, просто довольно смотрит, как Пашка неуклюже встает. Потом переходит к делу: вытряхивает на асфальт Пашкину сумку. Тетрадки падают в пыль, пенал от удара раскрывается, и ручки катятся в разные стороны.

— Не принес. — Галя даже не спрашивает, утверждает. — Не зря прячешься, крыса.

Пашке хочется сказать, что «сам ты крыса, раз шакались», но он, конечно, так не говорит.

— А может, он хочет, чтобы ему дюлей навешали? — спрашивает Галя у дружок. Те подтверждают, что хочет.

Галя наступает носком кеда на валяющийся дневник и с ожидающим видом шаркает ногой.

Пашка начинает говорить, что в этот раз не получилось, потому что родители заперли сервант, а ключ потерялся, но уже вызвали мастера, который придет и всё исправит, правда, мастер занятой, может быть, сегодня не придет, может быть, завтра или в субботу, но придет точно. Ну а когда мастер сделает другой ключ, то уж тогда Пашка сразу принесет, без задержек.

Где-то на середине он понимает, что всё это звучит неубедительно, и заканчивает упавшим голосом. Но Галя почему-то не бьет. Спрашивает: «Деньги есть?» Пашка отдает мелочь, которую дали на обед в школьном буфете.

— Посмотрим, придет ли мастер завтра, — говорит Галя дружкам.

Те смеются. Потом все они поворачиваются, быстро потеряв интерес, и уходят.

«Это им по приколу, — понимает Пашка. — Могут и подождать».

Подходит Леха, помогает собирать разбросанные вещи.

— Я не хотел, — тихо говорит он. — Но они заставили. Говорили, что всё равно найдут тебя, а если не скажу, то и мне будет хуже, и тебе. Но я попросил их, чтобы не били... Или не сильно.

Пашка молчит.

Когда портфель собран и Пашкин костюм хлопками очищен от пыли, Леха вдруг берет Пашку за плечи, ловит его взгляд и начинает быстро-быстро говорить.

Что у него год назад была беда. Мама часто ездила в больницу, потом стала приходиться вечером в Лехину комнату, думала, что он спит, и плакала. Стала говорить, что, может быть, ему съездить к отцу, познакомиться с тетей Лидой и братом Сашей, говорила, что они хорошие и у них даже можно пожить. Хотя сама раньше говорила, что «Лидка стерва» и какое-то яблоко от нее недалеко упало. Леха уже думал, что деваться некуда, но потом к ним вечером пришла старуха, которая там же во дворе у них живет, зовут странно — Матрена. Сама, кстати, страшная — худая и морщинистая, еле ходит, опирается на кривую палку, а глаза черные... Значит, пришла, заперлись с мамой в комнате, а Леха не то чтобы подслушивал, но если стоять около двери, то слышимость хорошая.

Леха разобрал, что маме надо положить на ночь под кровать какую-нибудь дорогую вещь. Какую точно, он не понял, но мама сказала старухе, что так и сделает. И еще надо повторить при этом три раза: «Друг мой, враг мой, помоги. Отдаю тебе долги». Вот такой стишок, Леха запомнил.

Старуха перед уходом еще подарила ему замызганную карамельку, он ее даже есть не стал, но это не важно. Важно, что мама потом отстала с отцом и тетей Лидой,

ФАНТАСТИКА

даже в больницу только пару раз ездила и возвращалась веселая.

Так вот, что, если и Пашке так попробовать? Вдруг поможет.

Пашка вглядывается в Лехины глаза. Они серьезные, ни смешинки.

— Дорогая вещь — это не в деньгах, — уточняет Леха. — Это что кому-то дорого. Важная вещь.

Пашка неопределенно мотает головой, медленно идет к школьным воротам. Леха идет рядом, и Пашка не возвращается.

Вечером Пашка сидит в своей комнате, забравшись с ногами в кресло, жует бутерброд и думает.

Вообще-то мама не разрешает есть в комнате, но сегодня ничего не сказала. И только укоризненно посмотрела Пашке вслед, когда он пытался незаметно ускользнуть из кухни с бутербродом. Сегодня мама грустная. А папа опять задерживается на работе.

Пашка откусывает кусок бутерброда, запрокидывает голову и внимательно смотрит на полку.

Важная вещь... Что бы это могло быть? Такое важное, но вместе с тем не слишком дорогое, чтобы можно было отдать. Ни игры, ни фильмы, ни книжки — ничего не подходит. Это всё не то, дело ясное. Может, фонарик?

Давно, еще в прошлом году, папа подарил Пашке отличный фонарик. Нажимаешь на кнопку на рукоятке, и из нее выдвигаются ножи и вилка. И еще штопор, хотя он Пашке не нужен. Туристический фонарь «Экспедиция» — так написано на гладком оранжевом боку.

Пашка доедает бутерброд, встает и подходит к полке. Берет в руки фонарик, некоторое время с сомнением смотрит на него. Потом оглядывается на кровать.

Что надо сказать? «Друг мой, враг мой, помоги. Отдаю тебе долги». Звучит глупо, как детская считалка. Но Леха не смеялся.

Пашка кладет фонарик под кровать.

— Друг мой, враг мой, помоги...

Просто ему совсем некому помочь. Его загнали в тупик. И даже почти не стыдно за считалку.

Ночью ему снится странный сон. Будто бы он задержался в школе допоздна и выходит в парк, когда уже стемнело и вокруг ни души. Пашка идет по дорожке к воротам, а вокруг гудит ветер, и деревья раскачиваются, цепляясь друг за друга ветвями. Начинается дождь. Пашке становится тревожно, даже не оглядываясь, он чувствует, что сзади кто-то есть. Он оборачивается, но в темноте, среди летящих теней ничего невозможно разглядеть.

Пашка ускоряет шаг, почти бежит к воротам парка, но перед ними почему-то выстроились железяки из школьного двора. Пашка карабкается, обдирая руки о ржавчину, соскальзывая с мокрого железа. Боли нет, но железяки не кончаются, и ворота всё так же далеко. Даже дальше — их уже почти не видно.

Откуда-то из-за спины доносится скрежет, Пашка в панике оглядывается, но видит только деревья и тени.

Внезапно в небе вспыхивает молния, словно гигантская горящая куриная лапа. Она выхватывает из темноты железную перекладину, на которой стоит Пашка. Он вдруг ощущает себя канатоходцем на мокром железном канате, высоко над землей.

В спину дует ветер. Пашка теряет равновесие, летит вниз и... просыпается.

В глаза ему бьет свет. Это мама включила настольную лампу. Мама стоит рядом, она улыбается и говорит, что пора вставать, иначе он проспит школу.

Пашка протирает глаза, морщится от света и сильно трет лоб, стараясь прогнать неприятный сон. Потом опускает руку и шарит под кроватью. Не веря себе, встает и заглядывает под нее. Потом сам залезает под кровать, внимательно осматривает пол.

Фонарика нет.

На уроках Пашка почти ничего не слышит и даже не может справиться с самой простой задачей на математике. Он получает двойку и замечание в дневник. Но ему почти всё равно. Он ждет большой перемены.

Гая с друзьями всегда приходят на большой перемене. Придут ли они сегодня? Пашка почти не надеется на то, что странная считалка и фонарик помогут. Если станешь надеяться, а потом всё равно получишь, то будет вдвойне больнее. Но ведь фонарик пропал... Еще один урок, и перемена — скоро всё станет ясно. Скоро.

Он грызет ручку и напряженно смотрит на доску, пытаясь понять, что же там написано. В случае чего можно сказать, что мама передарила африканского божка своей сестре. Или что кот Ашур его разбил.

Кто-то больно тычет ему в спину карандашом. Обернувшись, Пашка видит хитрую улыбку Лены Тимошенко. Он хочет сказать ей, что думает о таких глупых приколах, но Лена неожиданно сует ему в руку клочок бумаги с надписью «Пашке Лещеву». Узнав почерк Лехи, Пашка шепчет «спасибо» и быстро отворачивается. Потом разворачивает клочок, стараясь не привлекать внимание учительницы, и читает записку.

Поднимает голову, смотрит на доску. Опять опускает голову и перечитывает, для верности шевеля губами.

И только после третьего раза начинает верить, что Галя сегодня не придет.

А на большой перемене оказывается, что уже почти все знают эту новость.

— Представляете! — Танечка Астафьева сверкает глазами и яростно трясет косичками. — Машина всмятку, а они оба в больнице! И он сам, и отец его! А мать его в школу приходила и плакала!.. Так жалко их! — вроде бы искренне заканчивает Танечка и прижимает ладошки к щекам.

Класс сдержанно гудит. Кто-то усмехается, кто-то облегченно вздыхает — большинство успели пострадать от выходок Гали, и почти все его побаиваются. Но некоторые девочки, как и Танечка, изображают сочувствие. А может, и не изображают, может, правда, жалеют его, как пожалели бы покалеченного щенка. Над девочками-то он редко издевался.

Пашка стоит в стороне и мрачно смотрит в окно. Он думает, что Галя с отцом попали в аварию из-за того, что он, Пашка, вечером положил под кровать фонарик. Это кажется нелепым, даже смешным, но это не совпадение. И это пугает.

Отойдя от окна, он встречается взглядом с Лехой. Тот несколько мгновений пристально смотрит Пашке в глаза и быстро кивает.

Леха всё понимает.

Сегодня мама весь вечер сидит в своей комнате и плачет.

Пашка точно знает, что мама плачет, хотя из-за закрытой двери не доносится ни звука. Дверь заперта изнутри, а когда Пашка тихонько скребется в нее, мама говорит, что устала и уже спит и чтобы он сам поужинал и не забыл выпить кефир.

Но она не спит.

Всё из-за этой неожиданной командировки папы. То есть на самом-то деле ни в какую командировку он не уезжал, просто мама сказала так вчера Пашке, чтобы успокоить. Папа никуда не собирался, а если бы даже и собрался, обязательно предупредил бы об этом. Нет, здесь что-то другое.

Но о другом Пашке думать не хочется. Он не маленький и знает, как бывает у взрослых: живут, живут, потом вдруг — бац... Вот у Лены родители взяли и развелись...

Нет, нет, даже думать о таком глупо, папа просто... у него что-то случилось. Что-то, о чем нельзя рассказать. Ведь бывает же так. А мама ничего не понимает и от этого переживает.

Он снова скребется в дверь, и мама опять бормочет, что спит.

— Спокойной ночи, — говорит Пашка в замочную скважину. — Я уже выпил кефир, — добавляет он на всякий случай, но мама молчит.

— Лещ... чего ты? Что-то случилось?

Леха сочувственно и как-то понимающе заглядывает Пашке в глаза. Пашка неопределенно крутит головой и отворачивается. Разве это объяснишь?

— Ты... знаешь что. Тот стишок бабкин и фишка с кроватью... это не на один раз. Если у тебя что-то случилось — попробуй еще что-нибудь отдать. Только важное что-нибудь. Если дело серьезное, то надо серьезную вещь.

Пашка ежится и опускает голову. Да, в тот раз помогло. Но это может быть простым совпадением, а фонарик могла спрятать мама. Непонятно, зачем ей это, но ведь могла. Это раз. И два — как-то оно уж очень сильно помогло. Авария — никому не пожелаешь. Галя так до сих пор и не вышел из больницы и, говорят, может остаться инвалидом.

Наверное, именно поэтому, Пашке нравится думать о совпадении. Не хочется чувствовать себя виноватым. Но мама... если сегодня она снова будет плакать, а папа так и не придет...

— Что ты теряешь? — Леха смотрит внимательно и немного напряженно. — Попробуй. Не получится, так не получится.

После ужина Пашка снова осматривает все свои «сокровища». «Дорогое» и «важное» — это разные понятия. Дорогие вещи у него есть — например, новые кроссовки или телефон, поцарапанный, но еще вполне приличный, как выражается Лена. Но они не важны для него. Согласится ли этот «друг-враг» принять их?

Покружив немного по комнате, он вспоминает про часы. Командирские: с массивным циферблатом, водонепроницаемые и противоударные, со светящимися в темноте стрелками. Часы достались Пашке от бабушки. Когда берешь их в руки, вспоминаются хорошие дни: лето, каникулы, рыбалка, бабушкины истории вечерами на крыльце.

ФАНТАСТИКА

А еще дедушка иногда шутил с гостями: хвастался часами, потом ставил на огонь чайник, и вдруг часы якобы случайно соскальзывали с руки прямо в кипящую воду. Мгновенное замешательство, немая сцена. Но часы, выловленные и вытертые насухо, всегда исправно продолжали тикать.

Пашка хмурится, но решительно запикивает часы под кровать и для верности поддаёт их немного ногой, чтобы подальше задвинуть.

— Друг мой, враг мой, помоги... — шепчет он и сам не знает, на что больше надеется — на таинственную помощь или на то, что утром часы будут преспокойно лежать под кроватью и вся эта история окажется глупостью.

Утром он долго не может прийти в себя: дышать тяжело, тело ломит, как будто преодолевал полосу препятствий. Впрочем, так и было. Опять снился тот же сон.

Дурной... Нет, совершенно дурацкий сон, в котором кто-то карабкался следом и, кажется, догонял, а ворота всё отодвигались.

— Паша, что с тобой? Стонал во сне... что-то болит? — Но вдруг, осекшись, мама замолкает и вслушивается в бравурную мелодию поющего на ее тумбочке телефона. Потом машет рукой и бежит к нему.

Пашка знает, что это звонит папа. Сейчас он что-то там объяснит и вечером вернется домой. Потому что часов под кроватью нет.

Сегодня Пашка никак не может дождаться, когда мама уйдет спать. Ему нужно, чтобы она ушла к себе и он мог бы подобраться к серванту.

А мама, похоже, ждет, когда ляжет Пашка. Она уже в третий раз заглядывает в гостиную и спрашивает, почему он не спит. Видимо, ей тоже зачем-то надо остаться в гостиной одной. Зачем? Пашка догадывается. Он помнит, что в тумбочке у телевизора лежат тонкие свечки, которые бабушка принесла из церкви. Мама достанет их, зажжет и будет молиться, как научила ее бабушка.

Всю жизнь, сколько Пашка себя помнит, мама смеялась над «всякой этой чепухой» и даже на Пасху, когда красила яйца и пекла куличи, всегда уточняла, что это «просто для праздничного настроения». А сегодня собралась молиться. Но стыдится при Пашке.

Пашка хочет ей сказать, чтобы не стыдилась и что он понимает ее. Бывают ситуации, когда что угодно станешь делать, лишь бы сохранить надежду. Он бы мог ей кое-что рассказать... но как о таком расскажешь?

Он идет в свою комнату и ложится на кровать. Терпеливо ждет, пока мама закончит там, в гостиной, и, сказав перед свечкой все положенные слова, уйдет к себе.

Потом Пашка встает и на цыпочках крадется к серванту, не включая свет и стараясь не шуметь. Открыв дверку, он тянется к верхней полке и осторожно достает африканского божка. «Божок» – так его и назвал дядя Олег, когда торжественно вручал родителям на годовщину свадьбы.

«И пусть этот африканский божок принесет вам удачу, покой и радость! Храните его и берегите! Пока он у вас, вы никогда не расстанетесь и не поссоритесь!» Так или почти так. Все посмеялись тогда над этим подарком: деревянная лягушка с крыльями, да еще печальная с виду — что может быть более нелепым? Дядя Олег много путешествовал и всегда дарил странные вещи.

Но божка поставили на почетное место и даже иногда стирали с него пыль. А для Пашки он так и остался символом благополучия семьи. И гордо стоял там, наверху, как залог того, что «всё будет хорошо».

Черт дернул Пашку рассказывать про него Ленке. Похвастался «настоящим идиолом из Африки», не заметил подошедшего сзади Галю...

С этого всё и началось. Не похвастался бы — не пришлось бы врать и изворачиваться. Да и внимание Гали не привлекал бы. Не случись эта история с Галей, не подвернулся бы Леха со своим стишком. Не было бы стишка и странной помощи...

А что было бы тогда?

Эта мысль приходит ему в голову только сейчас, но, чем дольше он обдумывает ее, тем страшнее ему становится.

В самом деле, если бы он не попросил помощи в первый раз... пришлось бы просить второй? Совпадение ли это, что в последнее время неприятности валяются на их семью одна за другой? И ладно бы, просто неприятности. То, что случилось с папой... Он вспоминает, как они с мамой ездили в больницу, и невольно зажмуривается.

— Ребенка-то зачем привели? — Резкий голос врача будто стегает хлыстом. — Хотите, чтобы ему кошмары потом снились? Нечего там сейчас смотреть!

Мама начинает плакать, и врач смягчается.

— Потом посмотрит, — говорит он уже тише. — Да успокойтесь вы, дай Бог, пойдет на поправку. Только для этого необходимо время, а не слезы. Он сейчас в тяжелом состоянии, ему покой нужен... да уберите же вы мальчика!..

Пашка открывает глаза, закрывает сервант и, стараясь ступать бесшумно, несет лягушку к себе в комнату.

На папу напали, когда он уже заходил в подъезд. Ударил железным прутом по голове, отобрали телефон, барсетку. Потом еще пинали, гады, и сбегали, когда соседка с первого этажа закричала из окна.

А Пашка задержался на дне рождения у Ленки и пришел домой, когда папу уже увезла «скорая».

Он садится на кровать, смотрит в печальные глаза божка и думает.

Сначала он просил помощи, чтобы отвязаться от Гали. Галя попал в аварию. Потом папа пропал, и мама плакала. Потом папа вернулся, и какое-то время всё было хорошо. Теперь вот...

Если тот, кто крадется за спиной во сне, заберет сегодня божка... то что случится завтра? Послезавтра, через неделю, через месяц...

Или все-таки это просто совпадения?

Он хмуро глядит себе под ноги, потом опускает божка на пол и аккуратно подталкивает его под кровать.

«...принесет вам удачу, покой и радость!»

Ни покоя, ни радости всё равно уже нет. Не справился ты, божок. Может, хотя бы сегодня послужишь делу...

Пашка бьет снова. Падает под встречными ударами, поскользывается на мокрой глине, встает и опять выбрасывает кулаки, целя в голову.

Моросит дождь — противный, крадущий силы. Сил уже почти не остается ни у Пашки, ни у Лехи. Они топчутся в луже на заднем школьном дворе. У Лехи идет носом кровь, у Пашки разбита губа.

Пашка знает, что уже не может бить. Он хочет упасть и закрыть глаза. Но он бьет. Бьет, потому что спал без снов, а утром обнаружил под кроватью оставленного там вечером божка. Которого никто не забрал. Бьет, потому что потом сообщили из больницы, что папе стало хуже. Отказывают почки. За это бьет сильно, и Леха валится, сгибаясь от удара в солнечное сплетение. За то, что Леха заварил эту кашу. А еще за то бьет, что именно Леха много раз навел Галю на Пашку. Девчонки слышали, и сегодня Ленка рассказала об этом на большой перемене.

За предательство бьет.

Он плохо понимает, то ли это мысли в его голове, то ли он орет, хрипит это Лехе.

Тот ползет по грязи, потом замирает, подобрав колени и закрыв голову руками. И Пашка не сразу осознает, что это за воющий, то высокий, то низкий, звук. Потом понимает — это рыдает Леха. Как девчонка.

И Пашка больше не бьет, падает рядом на четвереньки.

Только бы не заплакать. Что угодно, но не плакать.

— Это правда. — Леха сидит на земле, обхватив колени руками, смотрит куда-то в сторону. — Я не врал. Это помогает, и папу твоего еще можно спасти. Дело серьезное, теперь надо не вещь... надо какое-то животное...

— Что? — Пашка смотрит на него исподлобья. — Ты ведь гад. Понимаешь? Предательский гад!

— Это правда! — Леха вытирает кровавые сопли. — Я тебе просто не всё сказал... и не совсем так. Тогда мама не стала слушать бабку Матрену. А я попробовал. Отдал свой брелок... а потом телефон... Бабка говорила, что, если вещь не помогает, надо что-то живое. Поэтому двух хомяков отдал, а оно все продолжается. Потом черепаху, потом уже никого не осталось — я же не знал, что помогает ненадолго. Сначала всё хорошо, а через некоторое время плохо становится. И всё хуже и хуже. Я черепаху отдал, когда мама ходить не могла. А когда отдал, то еще страшнее стало — что дальше-то будет?

Пашка молчит.

— Я тогда решил к бабке сходить, помощи попросить, — продолжает Леха. — Захожу, а там дверь открыта, старухи толкуются в коридоре. В комнате на табуретках гроб стоит, а в нем Матрена. Еще страшнее, чем раньше, на глазах монеты, и запах не дай бог. Как дурак простоял там чуть ли не час, все думали, что я внук ее, утешали. И я тогда подумал: что последний шанс, если на кого-то другого, на кого-то другого перевести. Может, оно тогда отвяжется от меня? Я больше не знал, что делать.

— И ты вспомнил про друга. Значит, ты специально Гале рассказывал, где я и как меня найти, чтобы мне тоже пришлось помощи искать? Значит, такой ты друг?

Леха не отвечает, мелко вздрагивает.

— Ну и как, помогло тебе?

— Наверное... Пока после черепахи всё нормально. Мама на поправку идет.

Пашка поворачивается, чтобы уйти. Брюки и пиджак мокрые и липкие, надо успеть вернуться домой до прихода мамы.

— Ты ворота во сне видел? — вдруг спрашивает Леха, и Пашка останавливается.

— А что с воротами? Они тебе тоже снились?

— Ну да. Будто бы иду к школьным воротам по парку, но почему-то по пояс в воде. Стемнело, дождь начинается. Весь парк залит водой, целая река вокруг, но мелкая, и школа стоит посреди этой реки. И вот иду, а сзади... ну, как будто кто-то есть. В темноте его не видно, но всплески слышны, и вздохи какие-то всё ближе. У тебя тоже, да? Плыть не получается, пытаюсь побежать, но в воде-то сам знаешь, как бегаешь. Медленно.

— И ворота всё отдаляются? — сумрачно спрашивает Пашка.

— Ага! — Леха оживает и смотрит на него со странной надеждой. — Я до них так ни разу и не добрался. Там такое сильное течение. Один раз, когда черепаху отдавал, я почти дошел. Но это ведь сон, в нем в самый последний момент сил всегда не хватает...

Пашка дома один, мама уехала в больницу, сказала — не ждать. Пашка смотрит на кота, которого посадил в переносную клетку. Ашур явно встревожен. Просовывает лапу сквозь решетку, мяукает.

Пашка ставит клетку с котом на пол. В который раз говорит себе, что коту уже десять лет, он старый и зимой сильно болел. В ветеринарке им сказали тогда, что кот не жилец — либо усыпить, либо тратиться на капельницы и таблетки. Они каждый день возили Ашура на капельницу, ходить он не мог, только лежал и грустно смотрел на Пашку. И кот выкарабкался.

Пашка задвигает клетку под кровать, старается не смотреть на Ашура.

Уснуть Пашка не может, ворочается. Болят ребра, болят руки, саднит разбитая губа. Еще кот всё не успокоится — то и дело протяжно мяучит. Бесплезный, в сущности, кот. Только ест, греется на солнышке, да туалет за ним еще убирать надо. Не будет кота — и ладно. А если папы или мамы не будет? Мама не звонит из больницы. Может, и хорошо. Если позвонит, то страшно трубку будет брать. Нажмешь маленькую кнопку, и возврата не будет.

Он прислушивается, кажется, под кроватью какой-то шорох. И кот не мяукает больше. Пашка замирает, сердце колотится со страшной силой. Что, если клетка уже пуста? Мама говорит, что Ашур приносит счастье. И сегодня его долго гладила перед тем, как уехала. Глупый кот довольно урчал, не знал, что останется один с Пашкой.

Пашка осторожно заглядывает под кровать. Свет от луны падает в другой угол комнаты, и ничего не разглядеть. Так же осторожно он нащупывает клетку, слегка двигает ее. Слышится недовольное мяуканье.

Пашка садится на пол, выдвигает клетку из-под кровати. И думает о том, что люди главнее кошек, потому что

ФАНТАСТИКА

у людей есть кладбища, а у кошек нет. И что люди разумны. Поэтому они и придумали клетки. Еще он думает, что Ашур — герой, спасает папу, просто не понимает этого. И во всем виноват Леха. Леха всё начал и обманул Пашку. И когда Ашура заберут, то виноват будет Леха, а не Пашка. Только Ашур этого не понимает.

Пашка открывает клетку и слышит, как кот, мяукая, выбегает из комнаты. Потом он стелет одеяло на пол, кладет на него подушку и залезает под кровать сам.

Сегодня особенный день, всё кажется светлым и солнечным. Даже тусклые школьные стены. Сегодня Пашка полон сил. У него почти получается сделать подъем с переворотом на физкультуре.

Утром он проснулся бодрым, хоть и под кроватью. Проснулся от звонка на мобильный. Мама говорила радостно, громко, почти кричала. У папы всё хорошо, доктор сказал, что всё будет хорошо. И проблема с почками не такая большая, лечится. Домой она не заедет, сразу на работу, а Пашка пусть идет в школу.

Пашка чувствует себя солдатом, от которого бежит враг. И ребра уже не болят. Он думает, что, попробуй на него напасть кто-нибудь там, в парке, он бы набросился на него, как на Леху, и колошматил и отколошматил бы. Он думает, что так и поступают герои. Если сами заваривают кашу, сами ее и расхлебывают. И это правильно. Враг бежит от смелых.

На перемене к нему подходит классный руководитель, с ней какая-то женщина в сером плаще. Она странно смотрит на Пашку.

Классная говорит, что это — мама Лехи, и Пашка лихорадочно придумывает, как же оправдаться за драку. Но женщина объясняет, что утром проснулась, а Лехи нет. Похоже, куда-то ушел ночью. Но как ушел, непонятно — дверь в квартиру была заперта изнутри, телефон дома остался. Женщина достает мятый листок бумаги и подает его Пашке. Говорит, что нашла это под кроватью. На листке надпись: «Пашка, прости!»

Женщина смотрит на него с надеждой. Смотрит и ждет. А Пашка молчит, потому что не знает, что сказать.

Он думает о том, что, даже если Леха успеет добраться до ворот, еще неизвестно, откроются ли они.

И неизвестно, куда они ведут.

